10 2006

Машина

Maurizio Lazzarato

Перевод с англ. Александра Скидана под редакцией Алексея Пензина.

Данное эссе является предисловием к книге Геральда Раунига о теории машин, которая готовится к публикации на немецком языке в *2007* году *(*см. *http://transform.eipcp.net/transversal/1106/raunig/en)*.

Геральду Раунигу делает честь эта работа, в которой он повторно вводит концепцию машины, как ее определили Делез и Гваттари; он рассматривает эту концепцию в контексте марксисткой традиции, наиболее новаторским образом артикулированной в постопераизме[i]. Работа Раунига показывает возможные точки пересечения и преемственности, но вместе с тем указывает и на расхождения между двумя этими теориями, которые разрабатывались в безусловно разные исторические периоды.

Здесь я хотел бы обратиться к некоторым аспектам теории машин Делеза и Гваттари, чтобы показать, как она помогает нам

определить современный капитализм. Тогда и выяснится, в чем эта теория машин сходится, а в чем отличается от теории постопераизма. Если принять точку зрения Делеза и Гваттари, мы можем четко утверждать, что капитализм не является ни «способом производства», ни системой. Скорее, это серия устройств для машинного порабощения и, одновременно, серия устройств для социального подчинения [subjection] [ii]. Эти устройства являются машинами, однако, как поясняет Геральд Рауниг, следуя аргументации Делеза и Гваттари, машины не зависят от *techne*. Технологическая машина – это лишь один из случаев машинизма. Существуют также технические, эстетические, экономические, социальные и т.д. машины.

Можно быть «порабощенным» или «подчиненным» машине (будь то технической, социальной, коммуникационной и так далее). Мы порабощены машиной, когда мы винтики в ее механизме, одна из ее составных частей, позволяющая машине функционировать. Мы подчинены машине, когда, конституированные в качестве ее пользователей, мы определены исключительно действиями, которые требует использование машины. Подчинение действует на молярном уровне индивидуума (его социальное измерение, роли, функции, представления и привязанности). Порабощение, с другой стороны, действует на молекулярном (или до-индивидуальном, или инфрасоциальном)

уровне (аффекты, ощущения, желания, те отношения, что еще не прошли стадию индивидуации или не были приписаны субъекту). Я постараюсь проиллюстрировать свойства, характеризирующие эти устройства порабощения и подчинения, рассмотрев, как они функционируют в «машине» телевидения.

Конституирование субъекта через коммуникацию и язык

Кто еще отважится в наши дни притязать на то, что он – подлинный хозяин своего гнева, когда столь многие берут на себя право говорить ему, что он чувствует, – еще бы, ведь они знают это лучше него?![1]
Роберт Музиль

Посредством операции социального подчинения капиталистическая система создает и распределяет роли и функции; она обеспечивает нас субъективностью и предписывает нам особый процесс индивидуации (через такие категории, как идентичность, пол, профессия, национальность и так далее). С одной стороны, подчинение принуждает нас к индивидуации; оно конституирует нас в качестве субъектов, обусловленных особыми требованиями власти. С другой стороны, оно прикрепляет каждого индивидуума к идентичности, каковая есть

«известная величина», фиксированная и неизменная.

Каким образом телевидение порождает подчинение? Какую роль в этом процессе играют язык и коммуникация?

Функция субъекта в коммуникации и языке отнюдь не есть нечто естественное; ее надлежит построить и навязать. Согласно Делезу и Гваттари, субъект не является ни предпосылкой языка, ни причиной высказывания. Делез доказывает, что мы как субъекты не есть то, что производит высказывания в каждом из нас; высказывания производятся чем-то совершенно иным, «множественностями, массами и стаями, народами и племенами: всеми коллективными устройствами, которые находятся внутри нас, и для которых мы служим транспортным средством, не зная в точности, что это за устройства». Они-то и заставляют нас говорить, именно они – подлинные двигатели наших высказываний. Субъекта нет, есть лишь коллективные устройства, производящие высказывания. «Высказывание всегда коллективно, даже когда кажется, что его произносит уникальный, одинокий индивидуум, – например, художник».[2]

Из этих коллективных устройств, из множественности ролей, которые нас конституируют, и которым мы служим транспортным средством, телевизионная

машина извлекает субъекта, понимающего и на самом деле ощущающего себя абсолютной и индивидуальной причиной и источником своих высказываний, слов и аффектов. Телевидение функционирует, используя небольшой набор установленных, кодифицированных высказываний, высказываний господствующей реальности; оно также использует серии заранее заготовленных способов выражения. После чего претендует на то, чтобы преобразовать эти высказывания и выражения в высказывания и выражения самих отдельных субъектов. Как это происходит?

Телевидению удается преподносить согласующиеся с господствующей реальностью капитализма высказывания так, словно бы те были высказываниями индивидуумов, посредством создания машины, которая интерпретирует их слова и их выражения; кроме того, оно приводит в действие машину субъективации, которая работает, порождая двойника субъекта. Телевидение поощряет вас говорить как субъекта высказывания (*sujet d'énonciation*), как если бы вы были причиной и источником утверждений. В то же время, в качестве субъекта высказываемого (*sujet d'énoncé*), через вас говорит сама эта машина коммуникации[iii]. Если у вас берут интервью на телевидении (будь то литературная передача, ток-шоу или даже реалити-шоу, где вы рассказываете о своем опыте), вас выставляют

как субъекта высказывания («Вы, зритель, или вы, уважаемый гость, из которых и состоит телевидение»). Затем вас подчиняют машине интерпретации с несколькими составляющими. Прежде всего, над вами начинает доминировать недискурсивная машина, предназначенная интерпретировать, отбирать и стандартизировать – причем еще до того, как вы начали говорить.

Следуя за развитием языкознания от лингвистики к прагматике, телевидение вбирает в себя все элементы высказывания – как лингвистические, так и нелингвистические. Оно оперирует не только на основе нескольких заранее готовых, избитых высказываний, но и через отбор определенной лексики, определенной интонации, определенной скорости произнесения, определенного типа поведения. Оно использует определенный ритм, определенные жесты, определенную манеру одеваться, определенную цветовую схему, определенные декорации для беседы с вами, определенное обрамление образа и т.д. Стоит вам открыть рот, как вы становитесь объектом дискурсивной интерпретации журналиста, журналиста, который, при помощи эксперта или ученого, оценивает зазор, который еще может существовать между вашим высказыванием, вашей субъективацией, вашим смыслом и – господствующими высказываниями, субъективацией и смыслами.

В конце беседы вы уже – субъект высказываемый, эффект семиотики машины коммуникации, верящий, что является субъектом высказывания, ощущающий себя абсолютной, индивидуальной причиной и источником высказываний, тогда как в действительности вы – продукт машинной обработки, не более чем конечная точка процесса. Ваши слова вывернуты по
линиям высказываний и способов выражения, которые вам навязаны и которых от вас ждут. Под складками вашей психической реальности залегает господствующая реальность. Сами о том не ведая, вы соскользнули к высказываниям и выражениям машины коммуникации. На телевидении всегда есть опасность оказаться пойманным в ловушку господствующих смыслов и субъективаций, вне зависимости от того, что вы говорите или делаете. Вы говорите, но при этом рискуете не сказать ничего, что по-настоящему для вас важно. Все устройства высказывания в наших демократических обществах – опросы, маркетинг, выборы, политическое и профсоюзное представительство и так далее – представляют собой более или менее сложные версии этого расщепления субъекта, в соответствии с которым субъект высказывания должен быть замещен субъектом высказываемым. В качестве голосующего, вас призывают выразить свои взгляды как субъекта высказывания, но одновременно вас озвучивают как субъекта высказываемого, ибо ваша свобода

выражения сводится не более чем к выбору из предоставленных вам возможностей, заранее кодифицированных и стандартизированных. Выборы, как и опросы, маркетинг, политическое и профсоюзное представительство, подразумевают консенсус по вопросу, о котором с вами никто не советовался. Чем больше вы выражаете себя, говорите, чем больше вы взаимодействуете с машиной коммуникации, тем больше вы отказываетесь от того, что вы действительно хотели сказать, потому что коммуникационные механизмы отрывают вас от ваших собственных коллективных устройств высказывания и втягивают в другие коллективные устройства (в данном случае, телевидение).

Подчинение не является предметом идеологии. Оно не обязательно затрагивает знаки, языки или коммуникацию, потому что уже сама экономика является могущественной машиной субъективации. И сам капитализм можно определить не как «способ производства», но скорее как машину субъективации. Для Делеза и Гваттари капитал действует как гигантская «точка субъективации, конституирующая все живые существа в качестве субъектов; однако некоторые, “капиталисты”, суть субъекты высказывания <...>, тогда как другие, “пролетарии”, суть субъекты высказываемые, подчиненные техническим машинам».[3]

Превращение служащего, получающего оклад, в «человеческий капитал», в предпринимателя по отношению к самому себе, превращение, которому способствуют современные техники управления, представляет собой завершение процесса субъективации и эксплуатации, поскольку в этом случае один и тот же индивидуум расщепляется надвое. С одной стороны, индивидуум доводит процесс субъективации до его высшей точки, потому что в этой деятельности он/она задействует «материальные» и «когнитивные» ресурсы своего «я», тогда как с другой, он/она склоняется к идентификации, субъективации и эксплуатации, принимая во внимание, что он/она разом себе и господин, и раб, и капиталист, и пролетарий, и субъект высказывания, и субъект высказываемый.

Машинное порабощение

Порабощение в каком-то смысле сродни тому, что используется в кибернетике: иными словами, дистанционное управление, обратная связь и открытость новым линиям возможного.
Феликс Гваттари

Машина телевидения действует также и как устройство машинного порабощения, инвестируя основную функциональность перцептуального, сенсорного, аффективного, когнитивного и

лингвистического поведения; благодаря чему она может работать на уровне самых фундаментальных побуждений человеческой деятельности и самой жизни.

Машинное порабощение состоит в мобилизации и модулировании до-индивидуального, до-когнитивного и до-вербального компонентов субъективности, заставляя аффекты, перцепции и ощущения – как еще неиндивидуализированные или не приписанные субъекту – функционировать наподобие винтиков и шестеренок в механизме. В то время как подчинение затрагивает социальные «я» или общераспространенные персонажные маски, эти в высшей степени подверженные манипуляции, молярные, субъективные представления, «машинное порабощение соединяет инфраперсональные, инрфасоциальные элементы благодаря молекулярной экономике желания, каковое значительно труднее поддерживать внутри стратифицированных общественных отношений», – а это те элементы, что мобилизуют индивидуализированных субъектов. Машинное порабощение, следовательно, не то же самое, что социальное подчинение. Если последнее обращается к молярному, индивидуализированному измерению субъективности, первое активирует его молекулярное, до-индивидуальное, до-вербальное, до-социальное измерение.

В случае машинного порабощения мы уже больше не пользователи телевидения, «субъекты», которые относятся к нему как внешнему объекту. В случае машинного порабощения мы подсоединены к телевидению, функционируя в качестве шестеренок телевизионного механизма, как элементы его входа/выхода (input/output), как его простые передаточные звенья, содействующие и/или блокирующие сообщение информации, коммуникацию и знаки. В случае машинного порабощения мы буквально образуем с машиной одно тело. Машинное порабощение действует, не проводя никакого различия между «человеческим» и нечеловеческим, между субъектом и объектом, чувственным и умопостигаемым. Социальное подчинение рассматривает индивидуумов и машины как полностью самодостаточные, замкнутые сущности (субъект и объект) и устанавливает между ними непреодолимые границы. Машинное подчинение, напротив, считает индивидуумов и машины открытыми множественностями. Индивидуум и машина суть наборы элементов, аффектов, органов, потоков и функций, все из которых действуют на одном и том же уровне и которые нельзя артикулировать как бинарные оппозиции: субъект/объект, человеческое/нечеловеческое, чувственное/умопостигаемое. Функции, органы и силы человека подсоединены к определенным функциям, органам и силам

технической машины, образуя вместе с ними единое устройство.

Согласно Гваттари, имеется «живой» аспект, способность к высказыванию, резерв существующих в машине возможностей, которые можно обнаружить, если находишься в этом машинном измерении. Машина – это не просто тотальность ее частей, все элементы, из которых она состоит. «Она обладает способностью к самоорганизации, к обратной связи и является самореференциальной даже в своем механическом состоянии» (с. 71). Она обладает властью: властью приводить в движение творческие процессы.

Таким образом, как ни странно это может показаться для традиционных способов мышления на Западе, «субъективность» оказывается одновременно и на стороне субъекта, и на стороне объекта. Могущество капитализма проистекает из этих двух устройств, действующих как две стороны одной медали. Но именно машинное порабощение наделяет капитализм своего рода всевластием, так как пронизывает роли, функции и смыслы, посредством которых индивидуумы и опознают друг друга, и отчуждаются друг от друга. Именно через эти устройства капитал обретает контроль над зарядом желания, который несет в себе человечество. Этот аспект реальности капиталистического «производства» остается по

большей части скрытым от глаз. Даже выделение «трансиндивидуумов» не вполне его ухватывает; мы должны вести речь о трансмашинах, об отношениях, действующих одновременно как по эту сторону социального и индивидуального измерения, так и за его пределами. Это-то и имеют в виду Делез и Гваттари, когда отсылают к машинному времени, к машинной прибавочной стоимости, к машинному производству. В любом случае, именно на этой основе и происходит накопление, производство стоимости и эксплуатация. Эта «невидимая» сторона капиталистического производства – его важнейший аспект и, парадоксальным образом, аспект, который никогда не принимается во внимание при определении стоимости, той стоимости, что ускользает от измерения.

Согласно Феликсу Гваттари, степень машинного порабощения, каковая служит отличительным признаком человеческого труда (или коммуникации), «никогда не поддается количественному определению как таковая», поскольку она не исчисляема. «С другой стороны, субъективное подчинение, социальное отчуждение, присущее рабочему месту или любой социальной функции, вполне поддается количественному определению, поскольку оно всегда исчисляемо. Можно измерить время присутствия на работе, время социального отчуждения субъекта; но вот его/ее вклад, по

крайней мере, в качестве субъекта, невозможно измерить на машинном уровне. Видимая работа, скажем, физика, количество времени, в течение которого он/она социально отчуждены, время, которое он/а проводит в своей лаборатории, – все это можно измерить, но машинную стоимость выведенной им/ею формулы – нельзя. Парадокс Маркса – это парадокс описания машинного производства и стремления измерить его подчинением, используя человеческую темпоральность (часы труда рабочего).

Рефрен, или производство субъективности, или абстрактная машина

Механизмы порабощения и субъективации вторгаются в отношения. Их действие, согласно данному Фуко определению власти, – это воздействие на возможное действие, воздействие на «свободных» индивидуумов, то есть индивидуумов, которые еще обладают виртуальной способностью действовать по-другому. Это предполагает не только возможный неуспех подчинения, непредсказуемые последствия, отклонения, уловки, моменты индивидуального сопротивления, но и возможность независимых, автономных процессов субъективации. Здесь мы обнаруживаем третью концепцию машины, «абстрактную машину». Мы покажем, как она функционирует, еще раз обратившись к примеру телевидения.

Когда я смотрю телевизор, я существую в точке пересечения различных устройств: 1. устройство, которое можно определить как машинное порабощение, представленное здесь «перцептуальной зачарованностью, вызываемой светящейся живостью экрана»[4], устройство, которое может быть связано с интенсивностями, темпоральностями, аффектами тела, мозга, памяти, все из которых проходят через меня и представляют мое до-индивидуальное, молекулярное измерение; 2. отношение захваченности нарративным содержанием, мобилизующим мои представления, мои чувства, мои привычки как субъекта (мое молярное измерение); 3. мир сознательных и бессознательных фантазий, населяющих мои мечты...

Несмотря на многообразие компонентов подчинения и порабощения, несмотря на разнообразие тем выражения и содержаний лингистического и машинного, дискурсивного и недискурсивного высказывания, проходящего через меня, я сохраняю ощущение однозначности и закрытости, завершенности, восходящее к тому, что Делез и Гваттари называют рефреном [ritournelle][iv]. Это «лейтмотив», отстоящий от этого набора устройств, рефрен, действующий как своего рода магнетический «аттрактор». «Различные компоненты сохраняют свою гетерогенность, но,

тем не менее, захвачены рефреном»[5], который их соединяет.

Рефрен возвращает нас к техникам, посредством которых производится субъективность, к концепции Мишеля Фуко отношения с самим собой, «*rapport à soi*». Отношения власти и знания отрываются от ускользающих от них процессов субъективации.

Рефрен необходим для функционирования «абстрактной машины», которая, вопреки своему названию, является наиболее конкретной и специфичной машиной, – машиной, способной функционировать диагонально по отношению к этим различным уровням, наделяя их не просто когнитивным или эстетическим содержанием, но, прежде всего, экзистенциальным. Абстрактная машина связывает материальные и семиотические элементы, но делает это из недискурсивной, безымянной, неповторимой точки, так как затрагивает очаг недискурсивности, лежащий в основе дискурсивности. Она осуществляет субъективную трансформацию, позволяя пересекать экзистенциальные пороги.

Вот как Гваттари описывает «абстрактную машину» Дебюсси: «Это высказывание, зазор, своего рода недискурсивный очаг. Имеется не только музыкальное измерение, но и смежные – пластическое, литературное, социальное измерения (например, салон, национализм) и так

далее. Это, стало быть, гетерогенный универсум с множеством составных частей. Высказывающийся субъект отстоит от этого созвездия универсумов и миров, и этот субъект по-новому связывает все элементы».

В рефрене, в *rapport à soi*, в производстве субъективности имеется возможность развертывания события, ускользания от серийного и стандартизированного производства субъективности. Но эту возможность необходимо создать. Мы должны создавать возможное. В этом-то смысле Гваттари и говорит об «эстетической парадигме»: создавать политические, экономические и эстетические устройства, где может быть опробована эта экзистенциальная трансформация – политика эксперимента, а не представления.

---

[1] R. Musil, *Der Mann ohne Eigenschaften I. Erstes und zweites Buch*, Reinbek bei Hamburg: Rowohlt ^{20}2005, S. 150.

[2] G. Deleuze / F. Guattari, *Kafka. Pour une littérature mineure*. Paris: Les èditions de Minuit 1975, p. 149.

[3] G. Deleuze / F. Guattari, *A Thousand Plateaus. Capitalism and Schizophrenia II*, London: Continuum 1987, p. 457.

[4] См. (также и в связи с нижеследующим): F. Guattari, *Chaosmosis*, Bloomington/Indianapolis: Indiana University Press 1995, p. 16.

[5] F. Guattari, *Chaosmosis*, Bloomington/Indianapolis: Indiana University Press 1995, p. 17.

---

[i] Постопераизм – общее имя для неомарксистских теорий, возникших после политического кризиса и поражения «операизма» (от итал. operai – рабочий), радикального движения, возникшего и развивавшегося в Италии в конце 60-х – 70-х гг. XX в. Главные представители: Антонио Негри, Паоло Вирно, Маурицио Лаззарато. Основные проблемы и темы: постфордизм как новая фаза капитализма, нематериальный труд, множества (multitudes) как социальные субъекты, трансформации государства и публичной сферы в 1980–2000–х гг. – Прим. ред.

[ii] Слово subjection может означать одновременно и подчинение, и субъективацию как термин современной философии (М.Фуко, Ж.Делез). Под субъективацией понимается процесс конституирования субъекта. – Прим. ред.

[iii] Важное различие между «субъектом высказывания» (субъект, который произносит утверждение) и «субъектом высказанного» (идентичность, которую субъект присваивает в / и посредством своего утверждения), пришедшее из лингвистики, используется многими современными теоретиками. – Прим. ред.

[iv] Буквально «возвращение». Термин заимствован из теории музыки; в барочном концерте ритурнелем (рефреном) называлось периодическое возвращение вариантов первой темы. Понятие Делеза и Гваттари, разработанное в книге «Тысяча плато». – Прим. ред.